

* * *

У Центрального дома культуры ВОС
горят цветные фонарики,
флажками завешен газетный киоск,
продают воздушные шарiki.
Рядом кустов невиданных роз
красно-белые варианты
сажают волшебники страны Оз
для будущей Иоланты.
Под усталым серебряным веком
заиграет ее хрусталик,
окрасив в серый металлик
разговор с соседним отсеком.
А пока из открытых дверей
звонко доносится кличка,
весело лает Орфей,
вышла его Эвридичка.
Вдоль пустой березовой рощи,
по дорожкам раскопанным, длинным,
идут без оптической помощи,
но с близости чувством звериным.

* * *

это, правда, грустно,
слишком плохо кончилось,
но могло же так не повезти –
посмотреть в глаза убитого животного
к земному раю на полпути.
это было в праздник Курбан-байрам,
когда голос, ласковый, как закат,
сквозь окно обратился: Девушка-джан,
пропусти меня в левый ряд.

* * *

Машинист на Площади Революции
дольше держит вагон метро,
чтобы люди потрогали нос собаки и курицу,
простого рабочего золотое ружье.
Радость впитывает гранит,
отражает улыбки потертый металл,
пока над головой не раскрыли синий фильтр
и холодным теплый свет не стал.
Пассажиры довольные едут в поезде,
их увозящем в черный проем,
над которым по-прежнему обозначено действие,
единицей молот и серп нулем.